

С ПРАЧЭК

ВСПОМНИТЬ
ГЛАВНОЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сплэтни Прайчэк
Вспомнить главное.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48563570

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96078-7

Аннотация

Кому интересна жизнь во всех её проявлениях, надеюсь, этот сборник рассказов понравится :)

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вспомнить Главное	4
Яблони будут цвести и на Марсе	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сплэтни Прайчэк

Вспомнить главное.

Сборник рассказов

Вспомнить Главное

Числа третьего, апреля месяца, в два часа и пятнадцать минут по полудню, совершив на разрешающий сигнал светофора левый поворот с оживлённой Муравьёвки на улицу Пушкина, синяя Тойота Камри, управляемая тридцатисемилетним Семёном Цыпочкой, покатила вниз к бульвару неторопливо, а стало быть, скоростного режима вовсе не нарушая. Некуда было торопиться Семёну Цыпочке, хоть на крыше его выдавшего виды автомобиля и была укреплена рыжая «шашечка» такси. День рабочий был в самом разгаре. Утренний час пик миновал. До вечернего ещё нужно было дотянуть.

Семён мог бы остановить машину в любом из «карманов» и подремать в ожидании клиента. Благо за эту роскошь им (кому следует) уже было уплачено вперёд. Но будучи новичком в деле извоза, Семён ещё не научился разбираться в конъюнктуре. К тому же он слабо разумел нравы и обычаи за-всегдаев таких стоянок. Семёну думалось: кружа по горо-

ду можно вернее подыскать себе достойного клиента.

И точно! Вот они! С противоположного тротуара ему машет руками молодая пара. Одеты прилично. Возможно, не жадные. Тойоту как подменили – машина резко рванула вперёд и, выбрав подходящей ширины разрыв в потоке встречных машин, лихо развернулась через двойную сплошную линию разметки.

Но... ё ж ты моё – кэ-лэ-мэ-нэ, а! Ну надо же такому случиться! Секундой раньше с примыкающей второстепенной дороги вынырнул и примкнул к автомобильному потоку патрульный автомобиль ДПС. Заметили? Да конечно заметили! Мысленным взором Семён уже видел, как вспыхивают у них над крышей сигнальные маяки, а мысленным слухом ловил вой и криканье полицейской сирены.

Приняв решение молниеносно, он бросил машину вправо за стоящий фургон и тут же повернул во дворы. Быстрее, чёрт! Пока не заметили номер, пока не успели толком разглядеть, как выглядит автомобиль-нарушитель! Отберут права – тогда всё! Куда ему? Опять на панель со своей гитарой, со своей шляпой широкополой и чёрной, как у Михаила Боярского? За квартиру полгода не плачено. Долги кругом, долги, Долги, ДОЛГИ!

Машина подскочила на пригорке и понеслась вниз. Слева побежало сетчатое ограждение спортивной площадки. Семён понял, что мчит по двору медицинского университета. Осторожней! Не хватало ещё и студентов тут попередать!

Площадка кончилась, он сбросил газ и свернул налево. Как раз вовремя. Преследователей не видно. Он вновь придавил педаль акселератора. Машина доехала до учебного корпуса. Тут Семён ещё раз свернул налево и увидел тупик. Выход преграждала кованая решётка ворот закрытых на замок.

Заглушив двигатель, молодой человек выскочил из салона, стремительным движением сорвал с крыши «шашку» и бросил её в стоящий тут мусорный бак. Последним штрихом в деле скоростной маскировки стало нажатие кнопки брелка сигнализации. Тойота пискнула, щёлкнула замками и затаилась.

И только теперь, обернувшись в поисках пути к ретираде, Семён заметил, что за всей чередой нелепых его действий с удивлением наблюдает молодая особа в чёрном пуховом плащике. Стоя на заднем крыльце и зябко поёживаясь, девушка сжимала одной рукой у горла ворот плаща, в другой же держала на уровне груди пачку пёстрых информационных листовок.

– Девушка, милая! – Тут же бросился к ней Семён. – Вы уж меня не выдавайте!

У неё были большие серые глаза, маленький, будто бы детский, ротик. Длинные светлые волосы стянуты позади в хвост.

– Если у меня отберут права – мне... каюк! Если не сказать больше: с голоду могу сд... сдуться...

И без того большие глаза её ещё немного увеличились.

А Семён, впопыхах нашаривая ручку двери черного хода в здание университета, продолжал уговаривать прелестную незнакомку:

– Вы скажите им, если спрашивать будут, что меня не видели. Скажите им, мол, вы только что вышли. Хорошо?

– Хорошо... – с трудом согласилась та, и тут же добавила, – а Вы... разве, не по объявлению?

– По объявлению? – Удивился он.

Патрульная машина уже въехала во двор и, бесшумно блёская красно-синими маячками, медленно плыла за сетками ограды. Семён тут же хлопнул себя по лбу:

– Конечно же, по объявлению! Идёмте скорее. – Девушка выказала сопротивление, поста своего, похоже, ещё покидать не собираясь. – Идемте! Я же вижу, как Вы замёрзли!

Последняя фраза показалась весомым аргументом, и девушка подчинилась.

– Простите, как Вас зовут? – Пропуская нечаянную спасительницу вперёд и шагая за порог следом, поинтересовался Семён.

– Надя. – Снова быстрый взгляд настороженных серых глаз. – Надежда...

В небольшой аудитории, освещённой далеко не всеми люминесцентными лампами, имеющимися в потолочных светильниках, собралось немногим более десятка добровольцев. Те, кто откликнулся на газетное объявление об участии

в медицинском эксперименте – мужчины и женщины, такие разные по возрасту и комплекции – сидели за студенческими столами по одному и внимали словам человека у доски облачённого в белый халат. Определённо, каждый из слушателей был недоволен собой, своим местом в жизни, либо ролью, которую приходилось в ней исполнять. Это условие было обязательным параметром для отбора кандидатов на участие в эксперименте и оговаривалось текстом объявления в первую очередь.

В этой компании неудачников Семён сидел уже около часа и уходить не собирался. Хотя опасность, наверняка, давно миновала. Искоса поглядывая на соседей по аудитории, он в очередной раз оценивал, всю тонкость шутки, которую сыграла с ним сегодня судьба. Одни погибшие лица видел он здесь:

.... в живых на них остались лишь глаза...

А лучше так:

*... взор тоже мертв. Хотя, на доньшке души
ещё пульсирует под гнетом тяжких мыслей
и еле бьётся слабый родничок
Единственной надежды...*

Сложив в уме последнюю строфу четверостишья, Семён потупил взор и опустил голову:

*...Не этот взгляд ли видится сейчас и мне
В различных зеркалах?*

«Чёрт, – подумал он, – какой-то шекспировской интонацией отдаёт». Человек же у доски продолжал говорить:

– К сожалению, нам не удалось добиться должного уровня финансирования эксперимента. Поэтому, считаю нужным озвучить ещё раз то, что уже было сказано каждому из вас по телефону: за сеанс мы сможем платить по триста рублей. Если кого-то эта сумма не устраивает, он вправе отказаться от участия прямо сейчас. – Мужчина замолк и обвёл присутствующим выжидательным взглядом.

Аудитория молчала. Тогда он кивнул головой и продолжил:

– Я так и думал. Здесь собрались только те, кто кардинально решил изменить качество своей жизни и радикальным образом пересмотреть своё нынешнее к ней отношение.

Ознакомительная лекция о целях и задачах эксперимента произвела на Цыпочку столь сильное впечатление, что работать вечером он просто не мог. Сидя в машине, он всё ещё был в аудитории. Мысленно.

– ...Раз уж мы не в силах изменить Условия, необходимые для свершения нежелательного для нас Ключевого События в реальности... – то тыча синим маркером в узлы хит-

росплетений воспроизведённых на доске схем, то с остервенением подчёркивая очередной термин из списка основных понятий собственной теории, выписанных в столбец с краю, объяснил человек в халате, – ...то мы сделаем это виртуально. После завершения процедуры мемопрограммирования на уровне нейронных связей, ваше отношение к прошлому жизненному опыту кардинально изменится. Вы иначе станете воспринимать происшедшее. Так, будто всё произошло не как случилось, а по желаемому вами сценарию. Понимаете? Чувство вины уйдет и потянет за собой весь комплекс Следствий, порождённых нежелательным Ключевым Событием. Таким образом, освободившись от основной Зависимости в выборе Символов Ассоциативного Ряда, необходимого для организации процесса ежедневного мышления, вы, в буквальном смысле, начнёте свою жизнь заново! Не в прямом смысле, конечно (что было бы поистине фантастично), – он положил маркер на полочку, – но эмоционально...

«Заманчиво», – думал Цыпочка, барабаня пальцами по ободу рулевого колеса и озирая пёструю от витрин и вывесок оживлённую улицу невидящим взглядом. «Сменить взгляды на жизнь. Это, как раз то, чего мне сейчас конкретно и не хватает». Несколько раз люди подходили к его автомобилю, стучали в окно, но, так и не дождавшись от водителя реакции, уходили «ловить» другую машину. Обуянный странным возбуждением, он пропустил весь вечерний час пик, предоставив брать и беспрепятственно увозить куда угодно все-

возможных клиентов прочим «бомбилам».

На детальное воспроизведение в памяти События, которое испытуемый желал бы подвергнуть корректировке на первом сеансе, отпустили двадцать часов. В полдень завтрашнего дня, в воскресенье, на ступенях главного входа в университет всех их снова будет ждать милая спасительница Надежда.

«Что же будет Ключевым Событием для меня? – Гадал Цыпочка, – Развод с Марой? Первая «мутка» в каморке за сценой ДК Судостроителей? Нет и нет – всё это Следствия. А вот разрыв с Ильёй, уход из группы... пожалуй, да. Илья в Москве и в шоколаде. Четыре альбома (наших, между прочим!) успешно издал и жирует теперь, свинина, как право-обладатель».

Тут Цыпочка задумался надолго, но вскоре отнёс и этот вариант. Раскопки следовало вести в куда более раннем слое воспоминаний.

Машины на стоянку всё прибывали. Поняв, что занимает место понапрасну, он вывел Камри на дорогу и поехал к своему другу и товарищу по духу Вене Дыму. Минут через десять синяя Тойота повернула под высокую арку жилого дома, где её принял под покров мягкий сумрак старого городского двора.

Дым теперь принимал гостей только на кухне, благо размеры её позволяли. Не потому вовсе, что помещение было необъятным. Просто трёхкомнатная «база» Дыма давно

уже забыла шумные «винегреты» из талантов и поклонников. Давно выдул ветер перемен из её стен и дух наркоманских оргий. А для посиделок с заглянувшим на огонёк соседом или творческой личностью, подобранной где-нибудь на улице, восьми квадратных метров вполне хватало.

Туда и проследовал Семён с пакетом провизии, толкнув не запертую по обыкновению дверь квартиры на пятом этаже.

– Дым! – крикнул он, увидев, что в кухне никого нет, а лампочка в самодельном экстравагантном светильнике под высоким потолком понапрасну жгёт киловатты электроэнергии. Никто не откликнулся. Однако Дым не заставил себя долго ждать и вскоре вернулся. Прямо так – в тапочках на босу ногу – он ходил за вырубкой. Принимал от уличных музыкантов благословенную десятину за право исполнять его песни, написанные специально, под заказ. За время его отсутствия Семён, в который уже раз, сумел оценить неординарность стиля, в котором были убраны комнаты Дымовского «квадрата» – все эти древесные стволы, черепа, цепи, сшитые воедино картофельные мешки вместо ковров, плафоны уличных светильников на стенах и прочий хлам. Хлам? Семён даже удивился тому, что подобное определение впервые вдруг сформировалось в его сознании. Прежде он никогда не осуждал иррациональную направленность Дымовской креативности. Напротив – восхищался!

– Оп-па, Сёма! – Дым сунул другу на пожатие свою ши-

рокую длань и тут же скосил глаза на пакет с провизией. – Это ты правильно. Я сегодня не густо насобираю. На черпак не хватит, если учесть, что завтра надо за свет платить кровь из носа.

– Так, что ж ты палишь его так бездарно? – Семён показал на лампочку, небрежно укутанную в кокон стальной паутины.

– Маяк не трожь! Прочь руки. Он путь указывает «блудящим» в тумане.

Они сели за стол, и Семён вкратце рассказал другу о внешне свалившейся на него миссии подопытного кролика.

– Та «шняга» семинаром называется. – Отреагировал на полученную информацию Дым. – А семинар – тонкая «разводка»! Как будущий психолог, ставлю тебя в известность.

Он вечно считал себя «будущим психологом» и терпеть не мог, когда ему намекали, что пора уже начинть себя позиционировать, как психолога «не состоявшегося». По воле родителей, он поступал в университет, но бросил после третьего курса, так и не доучившись. Сразу же вслед за Семёном. Увлечение андерграундной музыкой обрубало тягу к врачебной практике, не позволив напитаться родственным корням соком познания.

– Личность не переделать таким образом. – продолжал разглагольствовать Дым, – Институт покаяния существует уже тысячи лет и так же издревле он используется, как средство наживы. Раньше на этом грели руки попы. Теперь наши

братья, психологи...

– Да нет, это ж на нейронном уровне! Подумай! Перепрограммирование памяти! – бросился возражать Семён. – Да и не берут они денег! Наоборот, сами дают!

– Э-э! – парировал Дым. – Баран ты плюшевый! «Бабок» с тебя «срубить» хотят! Раньше индульгенции продавали, а теперь берут гонорарами. Я тебе говорю: посадят на зависимость за триста рублей, а потом сам будешь бегать к ним и «стучать» на себя за триста тридцать. И уже «зелёными»! Сам же «будущий психолог», и на такое «намазываешься»!

– Ладно, Дым. – Махнул рукой Цыпочка, от водки его порядком развезло. – Пусть так. Всё равно схожу сам и проверю. Главным образом из-за Надежды (ассистентка там у них – просто класс!). Но ты мне вот, что скажи: где, когда, на каком, блин, Событии наша жизнь с тобой надломилась? О чём мне завтра думать и что вспоминать?

Дым хотел было сказать, что своей-то жизнью он вполне доволен, но задумался, разлил по стаканам. Выпили. Но и после этого он ещё долго размышлял.

– Наверное, когда «на иглу» посадились. – Наконец сказал он.

– Нет, Дым, нет. Это уже Следствием было. А я хочу вспомнить, как и когда мы с тобой вообще сюда, – он потыкал в стол пальцем, а затем им же обвёл всё, что на столе было разложено, – повернули. Может быть, зря тогда Илью не послушались? Ушли из группы? Ты посмотри, кем стал

он, и где мы!

– Кем?! – Глаза Вени тут же налились красным. – То, что нам его «с башни» показывают, вовсе не значит, что он востребован. Стадионов не собирает. Звездой зовёт себя сам. А ведь ничего же нового за все эти двенадцать лет так и не написал! Труп он вонючий! Хоть и разукрашен шикарно! Ты только посмотри, с какой нудной настойчивостью он прёт и прёт в этот «ящик»! Что ни ток-шоу – так Илья, Илья, ИЛЬЯ! Что не вечеринка «жиробесовская» какая – то опять он, падла...

– Зато он не живёт в таком дерьме!!! – перебил Семён.

– Верно, – снизил тон Дым и ослабился в ядовитой усмешке, – не в таком. Дерьмо, в котором плавает он, из ананасов и рябчиков. Наше уж тому точно не эквивалентно. Из лапши Доширак ибо! – На этих словах он насупился, сверля приятеля злобным взглядом. – Я не понял. Ты что, завидуешь? Этому борову ты завидуешь?

– При чём тут «завидуешь», Дым? Я просто говорю, что свою жизнь мы с тобой просрали! Посмотри – обоим под сорок...

Изрядно хмельной, Дым вдруг поднялся из-за стола, схватил Цыпочку за куртку, и потащил в коридор на выход:

– Вот и вали к своему Илье! Он уже, как раз, сдох настолько, что рулить по своей Москве сам не в состоянии, водила нужен! Устроишься – напишешь! – Переправляя Семёна за порог, Дым даже наподдал ему под зад коленом. – А сюда,

падала, не ходи больше! Слышишь! Убью, нахрен, вот этим вот кулачищем!!!

Последняя реплика громом покатила вниз по ступеням пустой лестничной клетки. Хлопнула дверь. Семён остался на площадке один.

Тихо урчал мотор, тёплый воздух шелестел в конфузорах приборной панели, а Семён думал. Уж лучше было б им обоим «зажмуриться» ещё тогда, в молодости с «передоза» или в аварии, чем расставаться так. Уйти «на бодрячке» и с гитарой в руках. То было б честно...

Лёжа в кресле, он долго просеивал в ячейках памяти, будто песок, всю свою жизнь. Крупицы минут, часов и недель текли перед мысленным взором, собираясь в горку прожитых лет. А вершиной ей...

Семён вздрогнул и молниеносно поднялся. Вершиной ей служило то самое Ключевое Событие, которое он в своих поисках пытался подсознательно игнорировать.

– Ну проходи, Семён, садись. – Указал на место декан факультета. – Думается, разговор у нас с тобой будет тяжёлым и долгим.

Цыпочка – в драных джинсах, кожаной безрукавке, с невероятным начёсом на голове – вальяжно двинулся от дверей вглубь кабинета. По пути рука его в чёрной беспалой перчатке скинула с плеча брезентовую котомку для тетрадей, сходу определив ей место на одном из стульев.

– Мать говорит, – начал профессор, после того, как Цы-

почка устроился вразвалку на одном из стульев, – будто ты...

– Что тебе моя мать? – Перебил Семён, – Какое тебе дело до моей матери? Я зачёты сдаю? Лекции посещаю? Претензий – ноль. Вот и ты занимайся своим делом. А в наши с матерью темы нечего ноздри свои запускать! – Челюсти парня яростно перемалывали комок «чуин-гама».

Склонив голову, профессор смотрел на студента поверх очков и лицо его медленно багровело.

– За один внешний вид я могу отчислить тебя из университета.

– Не можешь, – равнодушно склонив голову, парировал Цыпочка, – надясь демократия у нас, уважаемый. Dress codes не предполагаются. И потом, кому ты этим хуже сделаешь?

– Слушай, подонок! – Вскочил декан. Через миг он со сжатыми кулаками уже нависал над молодым человеком. – Я тебя никогда не порол и этим, вижу, навредил куда больше. Вставай! Ты заслуживаешь того, чтобы тебе, наконец, врезали, как следует!

Цыпочка вскочил. В глазах его было столько ненависти, что мужчина отступил.

– Я тебе «врежу», – прошипел он, – я тебе так «врежу – всю жизнь потом из «каличных» будешь «невылазить»! – Он схватил со стула рюкзак и закинул его на плечо. – А насчёт «отчислю», можешь не суетиться. Я сам прощаюсь с твоей богадельней. Сию же минуту!

Проснулся Семён ближе к полудню. Голова трещала: полтора литра водки на двоих с Дымом, а потом ещё за пивом раза три из машины бегал в «круглосутку». Слушал Super Trump, Tony Carey, вспоминал молодость и каялся, расстраиваясь до слёз. Э-эх! Семён старательно растёр, помассировал лицо, после чего придирчиво оглядел своё отражение в зеркале заднего вида. М-да...

Денёк выдался довольно тёплым для этого времени года. Оставив машину во дворе, Семён решил до здания университета прогуляться пешком. По улице он шёл не спеша, подставляя небритую щёку лучам ласкового солнца. Лёгкий ветерок лизал лицо. Но Семён не улыбался. Он знал, что будет делать дальше: подобно лампочке в кухне Вени Дыма, станет указывать «блудящим в тумане» путь на берег.

*... ведь мучиться и биться лбом
В чугунный саркофаг ошибок глупо.
Есть шанс исправить всё,
Ведь ты ещё живой...*

«Нет, – возразил себе Семён, – исправить ничего не получится». Предстоящий сеанс не поможет ему вернуть отца, мать, годы, прожитые в стране безвременья, где никогда не взрослеют. Но тому, чтобы не зря прожить остаток жизни он, безусловно, поспособствует. А родственники и многие знакомые отца не откажутся помочь ему вновь поступить, но уже на заочное отделение, увидев:

*... что стряхнув лохмотья панка,
Он облачится в троечку-костюм...*

– Прекрасный день, Надежда! – Улыбнулся он милой аспирантке, поднимаясь на крыльцо. – Профессор у себя?

– Конечно-конечно. Егор Ильич ждёт Вас. Только он ещё не профессор – доцент. – Улыбка явила на её щеках две очаровательные ямочки. – Вы Цыпочка Семён Валентинович? Проходите в кабинет N 167 – это по правому крылу идти, почти до конца...

Бледное из-за долгой зимы девичье личико у щёк и на переносье солнце уже успело слегка окропить золотистыми блёстками. Губы её полупрозрачные и влажные напоминали сладенький леденец. Милая и наивная вчера ещё, сегодня она выглядела милой и деловой.

– Значит, я не опоздал? – сказал Семён.

Длинные ресницы дрогнули, девушка склонила голову набок и сказала:

– Нет. Вы почти первый!

– Что значит почти? – С наигранной робостью осведомился Семён. – Третий? Или сорок девятый из полутора тысяч кандидатов?

Она засмеялась:

– Второй, второй. Только поторопитесь. Я вижу, вон, люди ещё подходят. – Указала она обратным концом авторучки за

спину Семёну.

– Понял, спешу! – Семён схватился за ручку двери. – А кстати, Наденька, надеюсь Вы сегодня не слишком заняты? Хотелось бы отблагодарить за своё вчерашнее спасение. Дождётесь меня из турне по прожитому?

– И-дите! – В глазах её отразились лукавые солнечные зайчики. – Никуда я не денусь до завершения сеанса. Я персонал, обеспечивающий проведение эксперимента.

Кресло было не совсем обычным. Только отчасти оно напоминало пыточный агрегат из зубоврачебного кабинета. Сверху, над высокой спинкой нависал ажурный колпак, опутанный проводами. Подставка для ног из того же материала, что сиденье и спинка, то есть тугая набивка, обтянутая искусственной кожей. Позади кресла стоял стол, на котором ютились сразу три монитора. За ним сидел ещё один человек, чрезвычайно серьёзный, в белом халате.

– Сначала мы введем Вас в гипнотический транс при помощи этого нехитрого устройства, а затем кресло разложим, и оно превратится в кушетку. Это необходимо для того, чтобы выровнять артериальное давление...

– Доктор, зачем Вы мне всё это излагаете? – Задал вопрос Цыпочка. Его голова уже была зафиксирована, и видеть что-либо другое, кроме огромного ветвистого кактуса возле окна не представлялось возможным.

– Поймите, не я провожу над Вами эксперимент. Мы вместе работаем. Как «hard» и «soft» в компьютере. Я со своим

обеспечением, соответственно, «железо», а Вы – ПэО. Даже скажу больше – Вы Оперативная Система всего этого комплекса. Поэтому я и хочу разъяснить Вам в деталях, как всё это будет работать. Если угодно, можете считать мою вводную лекцию процессом установки драйверов.

Цыпочка усмехнулся.

– Перед тем, как я активирую «купол», Вам нужно будет сосредоточиться на нужном воспоминании. Как только Вы это сделаете – дадите знак, и мы начнём работать.

– Хорошо, валяйте.

Учёный завершил установку электродов и вкатил в поле зрения Семёна высокий столик. На нём была установлена блестящая рамка, в рамке ряд стальных шариков, подвешенных на тонких нитях.

– Это маятник. Как только Вы дадите знак, что сосредоточились, я запущу маятник. Параллельно мой помощник начнёт увеличивать мощность и частоту электромагнитного поля, до тех пор, пока мы не добьёмся резонанса... – голос «профессора» слабел, отходил на второй план, – ...не сводите глаз с маятника – гипноз нам необходим для исключения второстепенных помех... – Теперь голос, и вовсе, звучал фоном.

... Семён с Дымом шли по гулкому коридору университета. Солнечный свет, пронзив оконные переплёты, падал на пол ослепительными трапециями...

Воспоминание проявило себя столь явно, что Семён вздрогнул и вырвался из пут наваждения. Только что он был там – солнечный свет лежал на полу ослепительными трапециями, и пылинки, медленно кружась в хаотичном танце, купались в этих ярких лучах! Он слышал шаги свои и Дыма, всё это происходило в гулком коридоре. Чувствовал запахи...

И снова в поле зрения – кактус у окна, да стена кабинета, выкрашенная по стандартам на две трети белой масляной краской...

Но он только что был там! Это сложно передать словами, но Семён, действительно, – тот Семён, прежний – только что был там, в том прошлом!

– Ой, кошмар! – прошептал он, силясь унять головокружение.

– Что? Что Вы сказали? – склонился к нему «профессор», в то же время делая рукой какие-то беспокойные знаки своему ассистенту.

– Ч-чёрт! – Тяжело дыша, Семён быстро облизал высохшие губы. – Сильная штука!

– Вы готовы? – осторожно спросил доктор. При этом ладонь его застыла в упреждающем жесте, адресованном человеку за столом с тремя мониторами.

– Подождите... – Семён всё еще не в силах был подавить охватившее его смятение.

– Я предупредил, что ощущение погружения будет полным. С Настоящим Моментом контакт Вы полностью теряете...

– Да-да, я помню, просто не думал, что «приход» окажется таким мощным.

– Скажите, если Вы не желаете покидать настоящее время. Мы прекратим эксперимент.

– Нет-нет, всё в порядке. Продолжайте.

Рука доктора отвела крайний шарик и отпустила. Маятник начал мерно щелкать, отстреливая крайние шары: тик-так, тик-так. «Как жаль, – успел подумать Семён, упиваясь своими грустными воспоминаниями, – что я не смогу остаться там, взяв с собой весь ныне нажитый опыт...»

– Ты чего Цыпа? – Удивился Дым. – На шнурок наступил?

Семён и в самом деле не понял обо что запылся. Он огляделся – не за что – даже шнурки кед и те заправлены.

– Дым, а куда мы идём? – спросил он.

Тот выдернул наушник: «А?»

– Куда идём, – спрашиваю.

– Ты чего, Цыпа, вообще потерялся? Ну-ка, дай-ка я тебе в «шары» загляну. Кошмар! Надо бы нафтизинчик закапать. Это. Вставай тут. – Остановил его Дым, спиной развернув к простенку. – Мы к «папе» идём, а у тебя «шары», чисто светофор на переезде.

Поочерёдно капнув препарат в каждый глаз Цыпочки,

Дым подождал пока тот проморгается, после чего приблизил к себе лицо товарища и посмотрел на дело рук своих.

Остался недоволен:

– Всё равно «стекло». Ты короче, там особо не распинайся, гривой помаша, типа мол, осознаю и тому подобное.

– Ладно, Дым, отвали.

Цыпочка вспомнил, куда идёт и тут же почувствовал несвойственное прежде волнение. Не злость, не ярость и не страх, а что – вроде трепета непонятного.

– Так, Дым, давай постоим.

Обрывки неуловимых ассоциаций носились в голове. Семён никак не мог сосредоточиться, чтобы ухватить хотя бы одну из них: вот пьяный Дым вышвыривает его на лестничную площадку, вот летит в мусорный бак желтая «шашка» такси... А ещё вчера с Дымом ходили они в видеосалон где смотрели... Вот это важно!

Он силился вспомнить и не мог, что ему снилось. Но что-то очень значимое...

– Помнишь, – он схватил приятеля за куртку, – мы вчера смотрели фильм со Шварценнеггером? Только на кресло в Воспоминаниях вместо него посадили меня! А потом...

– Слышь, может, ты не пойдёшь к декану? – опасаясь за друга перебил Дым. – Куда тебе в таком виде?!

– Стоп!

Семён вспомнил!

Ему снилось, будто отец давно умер. И снились страдания,

растянувшиеся на долгие годы. . .

– Фу, чёрт! – выдохнул он и, склонившись, упёрся ладонями в колени.

Какое счастье, что жуткую реальность сна всегда побеждает главенствующая реальность яви! Семён медленно распрямился и сделал пару нетвёрдых шагов в сторону двери кабинета. Вспотели ладони. Отец был там, за ней, он находился всего лишь в нескольких шагах! Сердце в груди взволнованно колотилось. Семён будто вырвался из ночного кошмара и, конечно же, ни о каких разногласиях существующих между ними, сейчас не мог даже помышлять.

– Пойдёшь? – спросил Дым.

Семён кивнул.

– На. – Веня Дым откинул крышку плеера и вынул кассету:

– Что это?

– Твоя, – встряхнул Веня кассету.

Шрифтом, стилизованным под старославянский, на ней было написано: «Сектор Газа», «Нажми на газ © 1993 г.» Кассета с альбомом этой группы, протянутая ему Веней Дымом должна была что-то означать. Семён пока ещё не мог распознать что, но смешно ему всё равно стало:

– Да забери ты её себе. – Он рассмеялся. – Нафиг оно мне надо.

Веня остолбенел. Семён же распахнул дверь и шагнул через порог кабинета.

– Пап, – с замиранием сердца произнёс он, – привет.

Мужчина в кресле оторопел, медленно поднялся навстречу. Семён видел, как распрямляются складки его пиджака, слышал шорох ткани. Он видел, как играла на лице отца каждая морщинка. Подумать только! Оказывается, он прекрасно помнил их расположение все эти годы, хоть не верил тому. Но память всё сохранила правильно, ничего не утратив из образа и не исказив. Седина на висках, широкие плечи...

Ужас отразился на лице парня. Неужели сон! Всё сон, и стоит совершить один неверный поступок, как чары рухнут?!

– Папа! – закричал Семён и бросился к нему, чтобы успеть обнять крепко-крепко, успеть почувствовать крепкое тело в своих объятиях, вцепиться, тоже неистово и крепко, чтобы убедиться – отец не из воздуха.

– Пап! – горячо зарыдал он, уткнувшись лицом в сукно пиджака, – ты прости меня! Прости меня! Слышишь!

Испытуемый вдруг повёл себя нестабильно. Тело его выгнулось. Ногами он принялся сучить по кушетке.

– Андрей, – закричал Егор Ильич, – срочно понижай мощность! Что-то не то у нас!

По телу Семёна Валентиновича Цыпочки побежала крупная дрожь.

– Выключай! Выключай скорей! Это что, эпилепсия?

Андрей выскочил из-за стола.

– Егор Ильич! Пульс! Это похоже на агонию!

– Бог ты мой! Андрей помоги, держи его! Нет! Снимай «купол»!

Мышцы испытуемого сжимались и разжимались в каком-то диком ритме и необъяснимой последовательности. Его кидало на кушетке так, что не сразу удалось ухватить голову, чтобы снять шлем с электродами. Из рта крупными пузырями поползла пена. Глаза закатились. Это стало видно из-под приоткрывшихся век.

– Адреналин!!! – заорал доцент психологии.

Ассистент бросился к медикаментозному шкафчику. Егор Ильич схватил Цыпочку за запястье – пульс не прощупывался.

– Он уходит! Скорее!

Грохот! Из шкафчика посыпались склянки, инвентарь...

И тут Егор Ильич словно очнулся. Тяжело дыша, он стоял склонённым над разложенным креслом-кушеткой и с усилием давил ладонями в его кожаную обивку.

– Боже... – простонал он, стараясь удержать равновесие и не потерять сознание.

– Что? – медленно обернулся Андрей. Он стоял возле стеклянного шкафа, держался за его ручку и, похоже, тоже совсем ничего не соображал.

– Ушёл! – выдавил из себя руководитель эксперимента, – Неужели... ему... это... удалось?

– Кто? – спросил ассистент, и лицо его по-прежнему выражало смятение.

– Журнал! Быстро! – скомандовал доцент психологии, сам же кинулся к дверям.

– Наденька, – позвал Егор Ильич, высовываясь в приёмную, – скажите, кто сейчас от нас вышел?

– Еремеев. – Она глянула в список. – Минуты три назад вышел. Я его «рассчитала» и он пошёл. Догнать?

– Нет-нет, не надо, – поспешно отказался Егор Ильич и спросил снова, – А Семён... э-э Цыпочка?

– Кто?

– Ну, молодой человек. Вот, сейчас должен был проходить сеанс.

– Сейчас женщина. Вот, – сероглазая красавица указала кончиком ручки на женщину, сидящую в ряду других испытуемых, – Алябьева.

– А Семён Цыпочка?

Девушка нахмурилась и стала старательно изучать список так, будто бы ей никак не удавалось сфокусировать взгляд. На миг её лицо оживилось, но тут же снова посуровело. До читав, она отрицательно покачала головой:

– Никаких Цыпочек.

Кандидат медицинских наук плотно прикрыл дверь и кинулся к своему ассистенту.

– Пиши! – сказал он.

– Егор Ильич! Я не могу найти журнал!

– Пиши, где хочешь! хоть на обоях! Быстрей! Семён его... э-э... Цыпочка... э-э... как там дальше? – доцент стал щёлкать пальцами, ухватывая нить памяти, стремительно ускользающую в вихрях кутерьмы причинно-следственных парадоксов.

– Валентинович!!! – выпалил ассистент и, сорвав зубами колпачок маркера, принялся размашисто малевать Фамилию, Имя и Отчество первого в истории путешественника во времени прямо на стене кабинета.

«Бесполезно! – Думал учёный, скрипя зубами от разбушевавшихся головных болей. – Всё пропадёт! Всё! – Обои на стене прямо под рукой бегут разводами, меняют цвет, рисунок, форму. – Исчезнет надпись! Исчезнет! Лишь бы память, память наша сохранила то имя! И тогда будет от чего плясать дальше... а она – верю я! – в этот раз справится!.. ведь... смогла же... смогла она... унести... туда... в былое... его... этого... как его там... пациента... Бля!!! Цыпочку!»

Яблони будут цвести и на Марсе

Подходила к концу пресс-конференция. Шестеро мужчин в креслах на возвышении, чьи лица непрестанно озаряли вспышки фотокамер, не скрывая желаний, скорее завершить необходимую формальность и ступить, наконец, «на родную Землю», отвечали на вопросы журналистов скупно и неторопливо. Им не терпелось вновь услышать шум ветра и пение птиц. Вновь почуять запахи и насладиться красками своего мира во всей их – от рассвета до заката – невероятной палитре. Героев можно было понять. После полутора-то лет добровольного заточения в тесных отсеках макета Тяжёлого Межпланетного Комплекса. Но стоило организатору заикнуться о завершении встречи, как журналисты, только что терпеливо дожидавшиеся каждый своей очереди, возбуждённо зашевелились, вскочили с мест. Частота фотографических вспышек резко увеличилась. На членов «экипажа межпланетного корабля» и организаторов эксперимента посыпались самые невероятные вопросы:

– Доктор, это правда, что во время эксперимента проводились исследования по клонированию оплодотворённой человеческой клетки?

– Есть информация, что на «борту» экспериментального комплекса в питание использовались самовоспроизводные и генномодифицированные продукты (в частности мясо), за-

прещённые к производству и употреблению многими международными соглашениями. Как вы это можете прокомментировать?

– Скажите! А если противоречия эти всё же разрешатся, и мировое сообщество сумеет объединить усилия всех заинтересованных сторон в кратчайшие сроки, когда вы сможете приступить к реализации проекта? Нам хочется узнать хотя бы приблизительную дату. Скажите, когда?

Никогда. В статусе грандиозного международного проекта под эгидой ООН программе освоения Марса не было суждено воплотиться. Черета последовавших финансовых потрясений обескровила мировую экономику. Многие державы встали на грань раскола. Прокатившаяся по планете волна локальных войн на фоне непримиримых идеологических противостояний, обострила и без того не радужные межнациональные отношения. Из всех участников Проекта, ставшего обузой для большинства своих бывших «акционеров», не прекратило работ по подготовке межпланетного перелёта лишь одно государство. Государство, вопреки всеобщим тенденциям к расколу, взявшее курс на объединение. Осуществлять давнюю мечту человечества взялся восставший из пепла, Единый, Могучий, Советский Союз...

Всего этого не могла знать сидящая у экрана телевизора пенсионерка Зоя Ивановна Инноватова. Нажатием кноп-

ки женщина сменила канал, предпочтя гомону журналистов, репортаж с мирового первенства по хоккею.

Переполненные трибуны заходились в восторженном гуле. Матч окончился победой. Грянули первые аккорды Гимна, шум начал стихать. «Славься Отечество, наше свободное... – Шеренга ребят на льду в форме сборной. Одно за другим, камера выхватывает счастливые лица. У кого-то на глазах слёзы. Шевелятся губы, – ...дружбы народов союз вековой...»

– Парти-ия Ленина, – негромко подхватывает Зоя Ивановна, качнув седыми кудрями, – си-ила народная...

Но эти строки, давно упразднены. Сменились с лова Гимна. Прежней осталась лишь мелодия. Мелодия триумфа. Мысли женщины опять вернулись к пресс-конференции. Вообще-то программа освоения Марса разрабатывалась Королёвым Сергей-Палычем ещё до полёта Юрия Алексеевича. Первая стыковка, выход человека в космос, запуск автоматов к Луне и планетам, равно, как и совершенствование орбитальных лабораторий – всё это вехи единой стратегии по освоению Солнечной Системы. Следующей ступенью которой, после полёта Гагарина, должна была стать высадка человека на Марс. Мощный носитель Н-1, ставший впоследствии «Союзом», создавался именно под такую задачу. И да той той «будущей» экспедиции пророчилась середина восьмидесятых годов двадцатого века.

– Да, – задумчиво сказала женщина в пустоту, – я помню.

Всё помню. Как космосом жила вся страна... как он работал на неё и двигал прогресс. Пережили такую войну и – всё равно в космосе оказались первыми... Как и во всём тогда...

В дверь позвонили.

Зоя Ивановна медленно поднялась с дивана, машинально положила пульт на полку секретера и направилась в тёмную прихожую.

На пороге стояла девушка в светлом берете и короткой, модной курточке с пояском. Сумку с ляжкой через плечо и широким клапаном на блестящей защёлке, она заботливо прижимала к себе. Не то почтальон, не то сотрудница социального обеспечения, – почему-то сразу подумалось Зое Ивановне. Девушка поздоровалась.

– Я по поводу единовременного пособия, – сказала она, – от Общественного Фонда Поддержки Ветеранов Труда. Вам, как активному участнику комсомольскихстроек, нацеленных в будущее, назначено дополнительное денежное довольствие. – Девушка перевела дыхание и произнесла утвердительно. – Вы строили Байконур...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.